

А.Н. Чеха, М.С. Кишкурно, О.В. Батанина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Археологическая и антропологическая характеристика материалов из слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье)

Широкомасштабные археологические работы на территории Северного Приангарья, связанные с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, позволили накопить значительный объем фактического материала, который требует интерпретации и согласования с культурно-хронологической схемой региона. В 2010–2011 гг. проведены исследования на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей), в результате которых были выявлены наиболее перспективные участки, получена представительная коллекция артефактов. В данной работе приведен анализ археологического материала из слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей и антропологического материала из погребения, обнаруженного под указанным слоем. Это позволит расширить источниковую базу эпохи неолита – раннего палеометалла региона.

Ключевые слова: Северное Приангарье, неолит, эпоха палеометалла, компрессионный характер отложений, каменные индустрии, керамический комплекс, краниология, остеология, одонтология.

A.N. Chekha, M.S. Kishkurno, O.V. Batanina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Archaeological and Anthropological Features of Layer 3 at the Site of Ustie Reki Kutarey (Northern Angara Region)

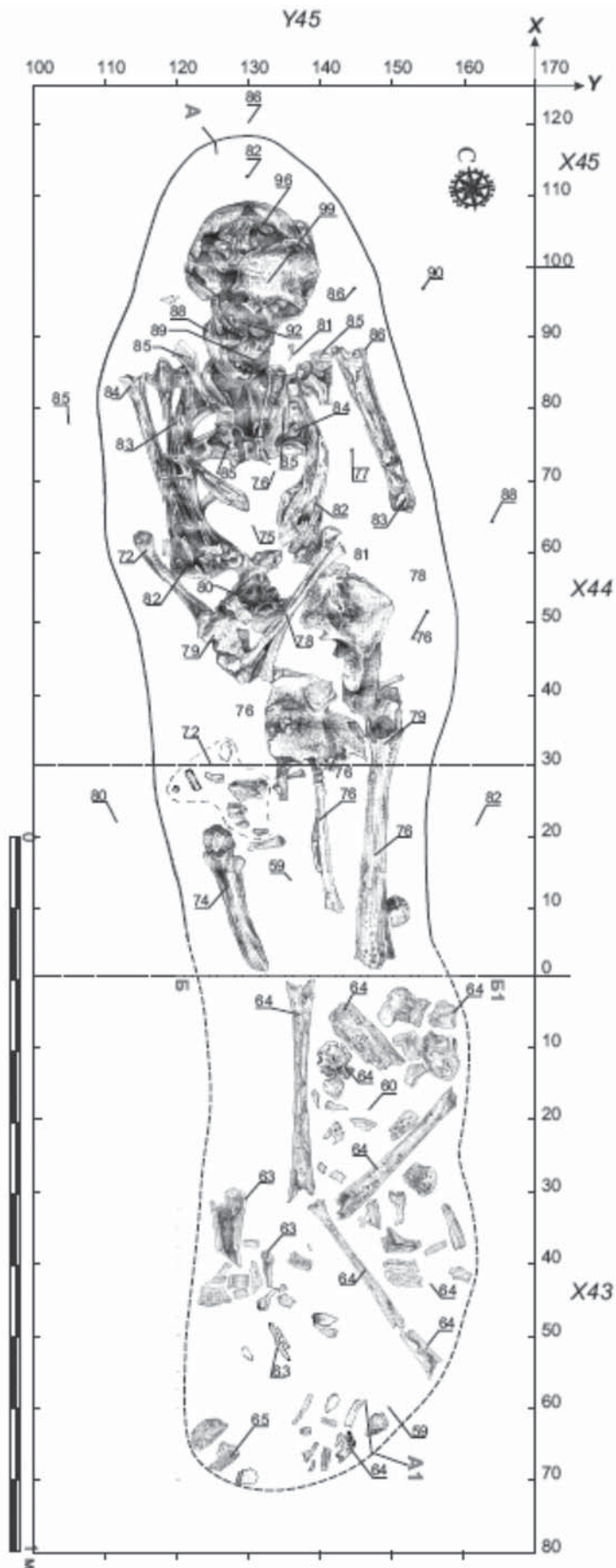
Wide-scale archaeological works in the Northern Angara region, associated with the resumed construction of the Boguchany hydroelectric power station, have made it possible to accumulate large amount of archaeological records which require interpretation and coordination with the cultural and chronological framework of the region. In 2010–2011, research was done at the sites in the mouth of the Kutarey River (Ustie Reki Kutarey, Senkin (Siniy) Kamen, Ruchei Povarnyi, Gora Kutarey), resulting in identification of the most promising areas and in gathering a significant collection of artifacts. This article analyzes archaeological materials from layer 3 of the Ustie Reki Kutarey site and anthropological remains discovered underneath that layer. This makes it possible to significantly extend the source base of the Neolithic and Bronze Age in that region.

Keywords: Northern Angara region, Neolithic, paleometal, layers of “compressed” nature, stone industries, pottery complexes, craniology, osteology, odontology.

Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. Этот регион относится к Северному Приангарью. Это западная часть Средней Сибири (часть Средне-сибирского плоскогорья, Енисейского кряжа, Канско-Тасеевской впадины), примыкающая к Западно-Сибирской равнине.

К основным проблемам исследования региона следует отнести преимущественно стояночный ха-

рактер памятников с отсутствием закрытых комплексов, слабую стратифицированность отложений на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, компрессионный характер отложений (макрослоистость), высокую степень естественных и техногенных нарушений. На памятниках в устье р. Кутарей выделяются обширные участки (до 200 м²) с четким разделением стратиграфических слоев, что в данной ситуации особенно важно.

Наиболее насыщенным артефактами и перспективным для изучения является слой 3, содержащий изделия из камня и фрагменты керамики. Каменная индустрия слоя насчитывает 25 984 артефактов. В северо-восточной части раскопа обнаружено и исследовано погребение (зафиксировано под стратиграфическим слоем 3) (рис. 1). Умерший был погребен в вытянутом положении, на спине, головой на север. Погребение располагалось параллельно течению р. Ангары. Кости ног и череп обнаружены в потревоженном состоянии, центральная часть сохранилась в неповрежденном виде. В области таза погребенного лежали два камня без признаков обработки. Помимо костей погребение археологических материалов не содержало. Вероятно, погребение было совершено в зимнее время, предварительно грунт был отогрет костровищем, при этом слой приобрел слабый красный оттенок. После совершения погребения яма заполнялась ранее прокаленной супесью, что и маркировало ее границы. Учитывая стратиграфию участка, погребение предположительно можно отнести к культурному горизонту эпохи неолита.

По характеру залегания артефактов в данном слое условно было выделено два горизонта (далее комплексы). Еще на этапе раскопок были отмечены участки концентрации материала, связанного только с неолитической керамикой (комплекс 2), что позже подтвердилось с помощью планиграфического и технико-типологического анализов коллекции.

Выделение комплексов является инструментом, который был сформирован для решения проблемы культурно-хронологической интерпретации материалов литологического слоя в условиях компрессионного залегания культурных отложений на стоянчном объекте в Северном Приангарье. Опорными условиями его выделения являются: полевые наблюдения автора раскопок, планиграфическая изоляция керамических материалов. Условия залегания культурных слоев не позволяют строго разграничи-

Рис. 1. План погребения на стоянке Устье Реки Кутарей.

вать комплексы – наличие в статистике противоречивых артефактов может являться следствием нарушения методики раскопок на отдельном участке, техногенного воздействия, действия биоты.

В ситуации компрессионного характера отложений, относительным культурным и хронологическим маркером может служить керамический материал.

В коллекции комплекса 1 (является смешанным) (1 090 фрагментов керамики, 53 фрагмента венчиков) преобладает керамика усть-бельского типа (убк) (23 %), текстильная (24 %); керамика посольского типа составляет 1 %, тонковаликовая – 7 %, керамика цэпаньской культуры – 1 %. Комплекс 2 содержал только неолитическую керамику (всего 179 фрагментов, 4 фрагмента венчиков): убк – 9 %, посольская – 9 %, текстильная с выраженными отпечатками 48 % (рис. 2, 15–22) Тонкостенные сосуды с характерным «жемчужным» орнаментом в верхней части венчика, широко распространенные на стоянках Северного Приангарья и относящиеся к эпохе бронзы, в комплексе слоя 3 отсутствуют.

В современном представлении хронометрия и хронология (на основании ¹⁴C-датирования без калибровки) керамических комплексов региона выглядит следующим образом: керамика с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6 900–4 100 л.н.; усть-бельского типа – 6 600–4 100 л.н.; исаковского типа – 5 200–4 500 л.н.; серовская и поздне-серовская керамика – 5 200–4 300 л.н.; ангарский вариант пунктирно-гребенчатой керамики – 5 300–4 500 л.н. [Бердников, 2013]. Близкая усть-бельской керамика аплинского типа предварительно датируется 5 500–4 000 л.н. [Бердников, Лохов, 2013].

Комплекс 1, вероятно, относится к более поздней стадии неолита. В орудийном наборе (220 экз., соотносимые с комплексом керамики неолита), большой удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а также массивные формы и шлифованные (рубящие орудия, тесла), в то время как в индустрии комплекса 2 последние практически отсутствуют. Стоит отметить объемный многофасеточный резец-дрель (комплекс 1). В сочетании с развитой микропластинчатой технологией, орудия такого типа некоторые авторы относят к мезолитической традиции (рис. 2, 7) [Томилова, 2014, с. 82].

В целом, каменный инвентарь слоя 3 (рис. 2, 1–14) обладает чертами, характерными для неолита – бронзового века региона. Также стоит отметить преобладание карандашевидных и призматических форм для пластинок и микропластин среди нуклеусов. К более поздним возможно отнести лишь небольшое количество орудийных форм, среди ко-

торых цапфенный топор с пришлифованным рабочим краем (рис. 2, 12), наконечник цэпаньского типа, долотовидное орудие, 10 экз. заготовок листовидных бифасов, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников стрел. Установлено, что в слое преобладает неолитическая керамика (на уровне первого горизонта смешана с керамикой эпохи раннего железного века и Средневековья, что можно связать с техногенными нарушениями; на уровне второго условного горизонта керамика полностью неолитическая).

Наиболее близкие аналогии обнаруживаются с материалами стоянки Усть-Кова I (культурный горизонт 1А, 2).

Также был проведен антропологический анализ костных останков, найденных в изучаемом слое. Погребена молодая женщина 20–25 лет. Сохранность костей черепа неудовлетворительная. Присутствует лобная кость, правая и левая теменные кости в виде крупных и мелких фрагментов, отломки чешуи и каменистой части височных костей. Затылочная кость представлена фрагментарно – сохранилась базиллярная часть с затылочным отверстием. Нижняя челюсть присутствует в виде двух фрагментов. Венечный и мышечковый отростки, подбородочный выступ отсутствуют.

Несмотря на плохую сохранность костной ткани, нам удалось реставрировать частично лицевой отдел и теменно-затылочную часть мозгового отдела, а также сделать несколько измерений [Алексеев, Дебец, 1964; Лебединская, 1998]. На затылочной кости рельеф выйных линий сглажен, наружный бугор очень маленького размера. Теменные бугры выражены очень сильно, отчего форма мозговой коробки приобретает подквадратную форму. Сосцевидные отростки развиты очень сильно (балл 3). Лоб имеет среднюю ширину (92). Лобные бугры выражены слабо. Область глабеллы имеет плавный переход как к назизиону, так и к офриону. Надпереносье развито очень слабо. Альвеолярная дуга широкая (63), нёбо – очень узкое (33,2). Орбиты очень широкие (44,7) и невысокие (31,5), по пропорциям – хамеконхные. Глазницы округло-прямоугольной формы. Верхний край глазниц замкнутый. Лицо крайне сильно уплощено на орбитальном уровне (147,7). Глубина клыковой ямки попадает в категорию средних значений (5,3). Нижняя челюсть характеризуется очень большой шириной ветви (37), средней высотой тела (29) и крайне большой толщиной тела (16).

У погребенной присутствуют все зубы. На них отмечено большое количество прижизненных сколов эмали. Изношенность окклюзивной поверхности резцов достаточно сильная (балл 5). На остальных зубах стертость умеренная (баллы 3–2).

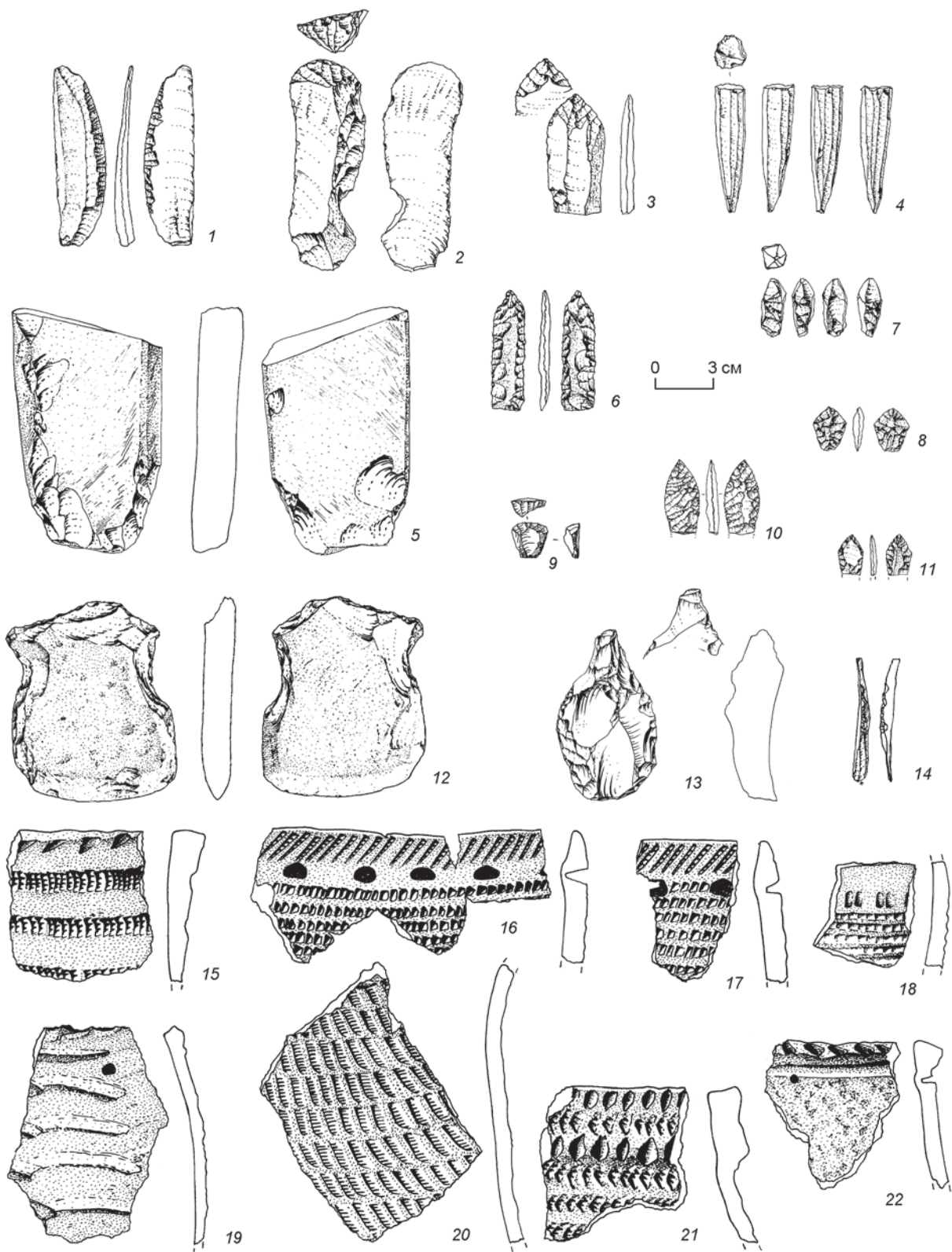

Рис. 2. Материалы из слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей.

1 – нож; 2 – скребок на пластине с выемкой; 3 – остроконечник; 4 – карандашевидный нуклеус; 5 – тесло; 6 – проколка; 7 – многофасеточный резец-드릴; 8, 10, 11 – наконечники; 9 – микроскребок; 12 – топор с цапфами; 13 – скребок с носиком; 14 – микропластина; 15 – фрагмент керамики (смешанная группа); 16, 17, 20 – керамика устье-бельского типа; 18, 22 – текстильная; 19 – тонковаликовая керамика; 21 – керамика цэпаньской культуры.

Комплектность посткраниального скелета довольно полная, но большая часть костей представлена фрагментированно. Сохранность позвоночника неудовлетворительная, целые только первый и второй шейные позвонки, присутствуют фрагменты ребер и грудины.

Сохранилась часть диафиза правой плечевой кости, эпифизы отсутствуют. У левой плечевой кости сохранен фрагмент нижнего эпифиза. Состояние костной ткани не позволяет произвести каких-либо измерений. Кроме того, присутствуют фрагменты левой ключицы, лопатки. Лучшая сохранность наблюдается у лучевых костей.

Присутствуют фрагменты левой и правой тазовых костей. Правая и левая бедренные кости сохранились фрагментарно, головки и вертелы разрушены. У левой кости сохранен фрагмент диафиза. Кости голени представлены в виде мелких отломков.

Измерения костей посткраниального скелета удалось произвести только по фрагментам лучевых и бедренных костей [Алексеев, 1966]. По величине наименьшей окружности середины диафиза лучевые кости попадают в средние значения, а по указателю сечения – в очень большие, что говорит об округлой форме сечения диафиза. Бедренные кости также показывают высокие значения индекса пиялстрии.

Оценивая рельеф в местах прикрепления мышц и связок [Mariotti, Facchini, Belcastro, 2004; Ражев, 2009], стоит отметить, что наибольшая выраженность характерна для четырехглавой мышцы бедра, осуществляющей разгибание голени и подъем бедра. Рельеф медиальной и задней групп мышц бедра развит значительно слабее. Выраженность рельефа мышц пояса и свободных верхних конечностей практически не проявляется, за исключением разгибателя большого пальца и сгибателя пальцев. Признаков энтесопатии и остеолизиса в местах прикрепления мышц не выявлено. В силу плохой сохранности скелета произвести системное описание двигательной активности данного индивида не представляется возможным.

В дальнейшем детальный анализ одонтологического материала, а также результаты радиоуглеродного датирования позволят более четко интерпретировать данный археологический комплекс.

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 250 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 129 с.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бердников И.М., Лохов Д.Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2013. – № 2 (3). – С. 72–83.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). – М.: Старый Сад, 1998. – 125 с.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевиц В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология, антропология, 2014. – Т. 8. – С. 82–99.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 490 с.

Mariotti V., Facchini F., Belcastro M.G. Enthesopathies – proposal of a standardized scoring method and applications // *Coll. Anthropol.* – 2004. – Vol. 28 (1). 145–159.

References

Alekseev V.P. Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1966, 250 p. (in Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kраниometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1964, 129 p. (in Russ.).

Berdnikov I.M. Klyuchevye aspekty istoriko-kulturnykh processov na yuge Srednej Sibiri v epohu neolita (po materialam keramicheskikh kompleksov). *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*, 2013, No. 1 (2), pp. 203–229 (in Russ.).

Berdnikov I.M., Lokhov D.N. Setchataya keramika aplinskogo tipa. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*, 2013, No. 2 (3), pp. 72–83 (in Russ.).

Lebedinskaya G.V. Rekonstruktsiya litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo). Moscow: Staryi Sad, 1998, 125 p. (in Russ.).

Mariotti V., Facchini F., Belcastro M.G. Enthesopathies – proposal of a standardized scoring method and applications. *Coll. Anthropol.*, 2004, vol. 28 (1), 145–159.

Razhev D.I. Bioantropologiya naseleniya sargatskoi obshchnosti. Ekaterinburg: Ural Branch RAS Publ., 2009, 490 p. (in Russ.).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mihlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Harevich V.M., Oreshnikov I.A. Mnogosloynaya stoyanka Ust'-Kova I v Severnom Priangar'e: itogi issledovaniya 2008–2011 g. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*, 2014, vol. 8, pp. 82–99 (in Russ.).